

Житие собора новомучеников и исповедников соловецких

Даты:

10 августа

22

августа Церковь прославляет Собор Соловецких святых. Прошлое времен

заповедной Руси переплетается в этом событии с трагическими страницами истории XX века. По иронии судьбы место подвижничества великих русских святых – Соловецкие острова в Белом море – в годы большевистских репрессий стало местом мученичества для миллионов невинно осужденных людей, насильственно помещенных в нечеловеческие условия, из которых вела только одна дорога – к смерти. Но как бы ни были жестоки их истязатели, как свет от неугасимой лампы над землей архипелага поднималась к небу молитва о России. И внутренней, духовной свободы на Соловках в годы самых лютых репрессий было больше, чем «на свободе» в СССР.

Святой остров

«...Соловки – дивный остров молитвенного созерцания, слияния духа временного, человеческого с духом вечным, Господним. Темная опушь пятисотлетних елей наползает на бледную голубизну студеного моря. Между ними лишь тонкая белая лента едва заметного прибоя. Тишь. Покой. Штормы редки на Полуночном море. Тишина царит и в глуби зеленых дебрей, где лишь строгие ели перешептываются с трепетно-нежными – таких нежных нигде, кроме Соловков, нет – невестами-березками. Шелковистые мхи и густые папоротники кутают их застуженные долгой зимой корни. А грибов-то, грибов! Каких только нет!...» - Такой запомнил природу острова один из немногих, чудом выживших, узников Соловецкого лагеря особого назначения – писатель Борис Ширяев. Земля, овеванная преданием... В XV веке монах Кирилло-Белозерского монастыря по имени Савватий, ставший отшельником, отплыл на пустынную соловецкую землю вместе со своим сподвижником – монахом Германом. Поселились они возле Секирной Горы, воздвигли крест, поставили келью. Позднее на это место пришел и другой святой подвижник – монах Зосима, а уже за ним – череда отшельников, искавших только молитвенного уединения и служения Богу.

Нелегкой была эта земля для жизни: зимой морозы под сорок, летом гнус. Трудом и спасались братия. Камень за камнем из века в век воздвигали они стены святой обители, Соловецких соборов и храмов. Натруженные узловатые руки иноков тянули сети, разбивали гряды под огород, тесали бревна. И между трудом, в поте лица совершалась непрестанная не развлекаемая молитва о Руси. Не прерывалась духовная связь, не прекращалась череда подвижников.

По преданию, преподобный Зосима, помолвившись однажды, изгнал с острова волков – не должна земля святая быть запятнанной кровью ни людей, ни животных – творений Божиих...

Но спустя века невероятный изгиб воображения руководителей нового советского государства превратил святую землю Соловков в один из самых страшных лагерей смерти. Над древним Преображенским собором был водружен красный флаг, по стенам расставлены конвойные, а внутри был устроен настоящий ад. С 20-х гг. до включения лагеря в систему советского «планового экономического производства», он был лишь местом бессмысленного каторжного труда и физического истребления.

«Властители»

...Промерзшие, голодные, изможденные от жажды, после долгих часов, проведенных на нарах, люди сходили на землю последнего своего земного прибежища. Начиналась переключка. Начальник, вернее, «владыка» острова тов. Ногтев и его помощник Васьков сверяли списки. Приветствие к заключенным: «Здорово, грачи!» сопровождалось пояснением: «...у нас здесь власть не советская, а соловецкая!» Первое имя. Вот, из строя новоприбывших выходит военный средних лет, спокойно, достойно, как прежде входил он с докладом в генеральный штаб армии. И вдруг на глазах у шеренги заключенных он падает. Выстрела они не слышали, и поняли, что произошло только, когда Васьков подозвал конвойного, чтобы оттащить тело убитого. А затем вот так, под дулом убийцы, «на волосок» от смерти, проходит по переключке вся партия, и среди них заключенный Борис Ширяев. И так – каждый раз, один – два расстрела на месте просто для того, чтобы сломить в людях саму память о том, что еще недавно они «были людьми».

Теперь узники знают: от изломов похмельной фантазии «властей» завит каждый их шаг и сама жизнь. За «проступки», например, невыполнение «нормы выработки» – срубить и обтесать десять деревьев в день – их могут поместить на всю ночь лютой зимой в бывшую деревянную голубятню, лишив верхней одежды... К утру оттуда извлекали замерзший труп... А летом «поставить на комарики» – оставить без одежды связанными в лесу; за несколько дней гнус буквально съедал человека заживо.

Каторжное население Соловков в первые годы их существования колебалось от 15 до 25 тысяч. За зиму тысяч семь-восемь умирало от цинги, туберкулеза и истощения. Во время сыпнотифозной эпидемии 1926-27 гг. умерло больше половины заключенных. С открытием навигации в конце мая ежегодно начинали приходиться пополнения, и к ноябрю норма предыдущего года превышалась. Такова была повседневная жизнь людей, по большей части без вины оказавшихся в заключении, сокрытая от «нового поколения советских граждан».

Остаться людьми...

И, все же, дух человеческий сильнее. На волосок от смерти, люди находили в себе силы жить, защищая душу, ум, сердце, изо всех сил сопротивляясь нравственному угнетению и психологическим пыткам, куда более тяжелым, чем физическое принуждение.

Актеры, как свидетельствовал Б. Ширяев, «встрепенулись» первыми, по-своему пытались приспособиться к нечеловеческим условиям жизни, и тут же организовали профессиональный театр «ХЛАМ», приняв как вызов и обратив в самоназвание определение-клише советского «АГИТПРОПа» в отношении всех инакомыслящих.

Скрытая ирония, а иногда и явная сатира в рамках сценария были единственной возможностью выразить отношение к происходящему. Зрителями «ХЛАМА» было не только лагерное начальство и солдаты охраны (возможно, их завтрашние убийцы), но и их соузники. – Для многих людей это был тогда единственный способ, хотя бы на несколько часов, очутиться в условиях относительной свободы, почувствовать: «они – тоже люди!». Примеру актеров последовали и ученые. Среди них были крупнейшие специалисты, целая Академия! Собираясь при соблюдении строгой секретности, они делали доклады исключительно ценные, выбирая, как правило, темы междисциплинарные – интересные для всех, или же связанные с решением фундаментальных и методологических проблем науки. Чудом выжившие участники этих семинаров гордились в последующем тем, что «лагерное образование» дало им едва ли не больше, нежели университетское... То же

происходило и в отношении чтения. В местной библиотеке оказались книги, давно изъятые на «материке» как «вредные» и «контрреволюционные» и списанные сюда для обреченных на смерть. И так, в системе, ставшей воплощением изоциренных наклонностей люмпенизированных типов вроде Васькова и Ногтева, ... читалось и обсуждалось то, что было абсолютно невозможно читать и обсуждать на «свободе».

Для духовенства же и для верующих это было время исповеднического подвига. Старавшиеся держаться вместе, монахи и белые священники время от времени совершали тайные службы. Некоторые с великим риском для жизни принимали исповеди и причащали людей на хлебе, которого бывало так мало, что уже само его сбережение для литургических целей было поступком самоотречения. Вино заменяли соком диких ягод, которые успевали собрать и с поспешностью спрятать в карманы телогреек во время «командировок» в лес. В случае «поимки с поличным» и священника, и причастника могла бы ожидать «Секирка» (Секирная Гора) – место с особо жестокими условиями содержания.

... А неподалеку от лагеря, в лесу, в скрытой келье, не переставал молиться о страдающих в заключении и о России неизвестный монах – отшельник. Место его подвига случайно нашел однажды Б. Ширяев. Перед неугасимой лампадой среди старинных образов согбенный старец исполнял свое молитвенное правило, как последний «воин» некогда великого духовного братства Соловецких подвижников. И эта келья, озаренная изнутри теплым светом, для Бориса Ширяева навсегда стала символом Соловков и торжества молитвы над смертью.

Мученики

... Они были разными. Среди соловецких исповедников уже к 1926 г. оказалось 29 архиереев Русской Православной Церкви. В лагерных условиях они образовали церковный орган – Собор соловецких епископов. Иерархи и духовенство представляли собой достаточно организованную группу заключенных, во главе которой стоял правящий епископ Соловецкий.

В 1926 г. собором был предпринят поступок огромного мужества: составлено обращение к правительству СССР (знаменитое «Соловецкое послание»), в котором открыто были заявлены факты гонения на Церковь и несовместимого с конституционными нормами вмешательства во внутрицерковные дела:

«... Подписавшие настоящее заявление отдают себе полный отчет в том, насколько затруднительно установление взаимных благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности, и не считают возможным об этом умолчать. Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы они стали утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью Советских республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чём желает его видеть политическая подозрительность и в чём его указывает клевета врагов Церкви. Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, т.к. всегда признавала это правом государства, за действия которого не ответственна. <...> Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею правительства Советских республик.

Никакими компромиссами и уступками, никакими частичными изменениями в своем вероучении или перетолкованиями его в духе коммунизма Церковь не могла бы

достигнуть такого сближения. Жалкие попытки в этом роде были сделаны обновленцами...

Православная Церковь никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом, ни в частях от своего обвешанного святыней прошлых веков вероучения в угоду одному из вечно-сменяющихся общественных настроений...» Авторы обращения заявляли о необходимости практического воплощения декларируемого властями принципа разделения церкви и государства, строгого разграничения их сфер.

Дух документа был непоколебимым в отношении всего, что касается свободы церковной. Это было свидетельство правды в узах, под угрозой пыток и физического уничтожения...

Многим священнослужителям не суждено было остаться в живых. Смерть не выбирала между епископами и приходскими священниками. В стационаре на Анзере, славившемся особо жестоким обращением медперсонала с больными, во время сыпнотифозной эпидемии скончался архиепископ Петр (Зверев), а Владыку Илариона (Троицкого), бывшего для тысяч «соловчан» духовной опорой, примером христианского благодушия и любви даже к врагам, тиф настиг уже при возвращении из лагеря.

Расстрелы, болезни, голод, истощение... а кто-то попал в число мучеников «Секирки», как полтавский батюшка Никодим, о чьем духовническом подвиге свидетельствовал Б.

Ширяев. Старец, которому никто не присылал посылок и писем (возможно, потому, что неизвестно было место его заключения), однако необходимый всем верующим на Соловках. Его на веревке протаскивали в крошечные оконца камер-келий и проводили под видом актера на репетиции «ХЛАМА», чтобы он мог за краткое время исповедовать бывших проституток, обратившихся к Богу, благодаря терпеливому и кроткому общению с ними... фрейлины трех русских государынь. В одну из ночей о. Никодим задохнулся или замерз, угодив в нижний ряд «шгабелей».

А сколько верующих из числа мирян осталось лежать в братских могилах, в топях, на склонах Анзера и у подножья Секирной Горы! Аристократы, генералы, ученые и крестьяне... Среди пострадавших на Соловках был, например, простой русский мужик Петр Алексеевич, которого односельчане-старообрядцы за глубокую веру и праведность жизни... выбрали царем, узнав об убийстве законного государя Николая Александровича Романова. Этот могучий Петр Алексеевич и на острове самоотверженно «нес бремя государева правления»; одного появления «народного царя» было достаточно, например, для того, чтобы оголтелая лагерная шпана отступила от своих жертв и вернула отобранные вещи. Тиф не пощадил и его. Была среди них и та самая 70-летняя старушка-фрейлина, которая предварила приход о.Никодима к своим соседкам по барaku, смиренно принимавшая участь «каторжанки» и до последнего вздоха самоотверженно, «во славу Божию» облегчавшая страдания больных в сыпнотифозном сарае-изоляторе...

Их сотни тысяч...

Святые новомученики

Александр Сахаров, протоиерей (†1927)

Александр Орлов, протоиерей (†1937)

Александр (Шукин), архиепископ Семипалатинский (†1937)

Амфилохий (Скворцов), епископ Енисейский (†1937)

Анатолий (Грисюк), митрополит Одесский и Херсонский

Антоний (Панкеев), епископ Белгородский (†1937)

Аркадий (Остальский), епископ Бежецкий (†1937)

Василий (Зеленцов), епископ Прилукский (†1930)

Владимир (Лозина-Лозинский), протоиерей (†1937)
Владимир Медведюк, протоиерей (†1937)
Герман (Ряшенцев) (†1937)
Дамаскин (Цедрик), епископ Стародубский (†1937)
Дамиан (Воскресенский), архиепископ Курский (†1937)
Евгений (Зернов), митрополит Нижегородский (†1937)
Захария (Лобов), архиепископ Воронежский (†1937)
Игнатий (Садковский), епископ Скопинский (†1938)
Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский (†1929)
Иоанн Скадовский, священник
Иоанн Стеблин-Каменский, протоиерей (†1930)
Иосаф (Жевахов), епископ Могилевский (†1937)
Иувеналий (Масловский), архиепископ Рязанский (†1937)
Николай Восторгов, протоиерей (†1930)
Никодим (Кононов), епископ Белгородский (†1918)
Николай (Правдолюбов), протоиерей (†1941)
Онисим (Пылаев), епископ Тульский (†1937)
Петр (Зверев), архиепископ Воронежский (†1929)
Прокопий (Титов), архиепископ Херсонский (†1937)
Серафим (Самойлович), архиепископ Угличский (†1937)
Священноисповедники
Амвросий (Полянский), епископ Каменец-Подольский (†1932)
Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский (†1962)
Виктор (Островидов), епископ Глазовский (†1934)
Николай (Лебедев), протоиерей (†1933)
Петр Чельцов, протоиерей (†1972)
Роман (Медведь), протоиерей (†1937)
Сергий (Голощапов), протоиерей (†1937)
Сергий (Правдолюбов), протоиерей (†1950)
Преподобномученики
Вениамин (Кононов), архимандрит (†1928)
Иннокентий (Беда), архимандрит (†1928)
Никифор (Кучин), иеромонах (†1928)
Преподобноисповедники
Никон (Беляев), иеромонах (†1931)
Мученики
Анна Лыкошина (†1925)
Вера Самсонова (†1940)
Владимир Правдолюбов (†1937)
Стефан Наливайко (†1945)

В день Собора Соловецких святых наша Церковь будет призывать их молитвы вместе с молитвами иноков великой русской обители. И среди прошений о мире, о помощи в деле возрождения Православной Церкви, о благосостоянии нашей страны – возносить молитву о том, чтобы в России о времени гонений не забыли... Чтобы помнили...